

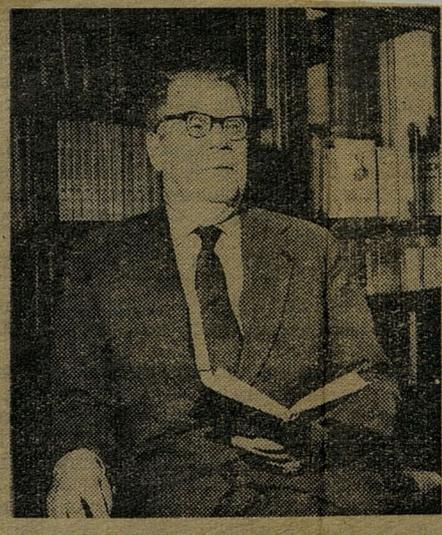
ПУБЛИКУЕТСЯ
ВПЕРВЫЕНеизвестные письма
М. В. ИсаковскогоК 80-летию
со дня
рожденияМихаил Васильевич ИСАКОВ
СКНИ. 1970 год.

Фото В. ШАГОВА

«ПУСТЬ НЕ СМУЩАЮТ ВАС ТРУДНОСТИ...»

ПЕСНИ Михаила Исаковского вошли в мою память с раннего детства. Мать моя, безграмотная донецкая крестьянка, часто, делая что-нибудь, пела их тихо, для себя, для души: пела в избе, на подворье, в поле. А зимой, долгими выюжными вечерами, под завывание ветра в печной трубе песни эти звучали как-то особенно, по-другому. Светлей и уютней становилось в убогой хатенке. И даже свет каганца выравнивался и настораживался, как ушко собачки, прислушивался: не мешает ли кто?

А помешать могли каждую минуту: фашисты разгуливали по многострадальной донецкой земле. Песни на время отодвигали все страхи, заботы и невзгоды молодых солдаток, собиравшихся на посылки в нашей избушке. И всякий раз, когда поющие доходили до слов «Вдоль деревни, от избы и до избы. Зашагали торопливые столбы!», воображению моему рисовались какие-то странные заснеженные великаны, шагающие «вдоль деревни» нашей и держащие в руках по огромному яркому «солнцу». Ни мать моя, ни ее подруги, конечно, и не подозревали, что слова их песен люди придумали. А нам, детям, и вовсе невдомек было: нам нравилось, как поют наши матери.

И только потом, пройдя сквозь муки фашистской оккупации, выжившие и переростками прошедшие в школы, открытые на освобожденной Советской Армией земле, мы узнали, что песни сочиняют поэты и композиторы, открыли имена авторов любимых песен.

Поэже, когда я полюбил книги и скрытно уже пописывал, поэзия Михаила Васильевича Исаковского стала для меня школой. Я искал его стихи где только мог. А время, нужно сказать, было трудное: первые послевоенные годы, период восстановления страны. Книга приходила в дом как праздник! Часто порывался я написать М. В. Исаковскому, но святость отношения к его имени не позволяла. Лишь после окончания Литинститута решился сделать это. Так завязалась наша переписка...

Радости моей не было конца, когда пришло первое большое письмо, в котором Михаил Васильевич подробно отвечал на многие мои вопросы.

Вокруг современной песни в конце шестидесятых годов велись, как и сейчас, горячие споры, взволнованные разговоры, полемика. Какой ей быть, песне? Что мешает ей развиваться в русле традиций, которые складывались веками?

«Что касается песни, — писал М. В. Исаковский, — то тут все обстоит несколько иначе. Тут речь в первую очередь должна идти не о поэзии, а о музыке. Именно скверная музыка, ориентирующаяся на плохие образцы западного джаза, вызвала появление огромного количества скверных текстов, иными словами, плохих стихов. Это, конечно, отнюдь не поэзия. Но на нее есть «спрос» со стороны музыки и все халтурщики, которые бессильны написать что-либо хорошее, бросились удовлетворять этот нелепый «спрос»... Конечно, надо что-то делать, чтобы не было этих халтурных, якобы песенных, поделок и чтобы не было такой скверной музыки».

Помог он мне этим письмом разобраться и в своей личной жизни. После Литинститута я по-

селился в деревне, в Калужской области. В моем дипломе было написано: «литературный работник». Пришлось задуматься — как быть, уехать ли туда, где жил раньше? Многие беспокоило. Михаил Васильевич давал в этом письме дельные советы, которые очень потом пригодились и, думаю, пригодятся они и другим, начинающим свой творческий путь.

«Если не ошибаюсь, Вы всем тоном Вашего письма спрашиваете моего совета: что же Вам делать, причем, что Вам делать вообще и в частности, то есть, ехать ли в Москву или в Ярцево, остаться ли в Боровском районе, где Вы живете сейчас, и т. д. Прежде всего хочу Вам сказать очень по-деловому... буде мне позволено, я посоветовал бы Вам пройти примерно тот путь, который в свое время прошел я».

Вам надо, что называется, на месте завоевывать читателя, надо утверждать себя там, где Вы живете. Хорошо было бы, если бы Вы жили в Калуге. Там Вы начали бы понемногу печататься, Вас бы узнали не только в Калужской области, но и в Москве к Вам стали бы относиться по-другому. Там тоже Вы бы стали печататься — сначала понемногу, а потом больше и больше. А уж затем все пошло бы своим порядком. И пусть Вас не смущает Ваш возраст. Дело в том, что молодость писателя определяется несколько иначе, чем молодость людей других профессий. Стать писателем в двадцать, даже в двадцать пять лет нельзя (за редкими исключениями). У такого молодого писателя слишком мал жизненный опыт и ему, по существу говоря, не о чем писать еще. Вот почему и в тридцать лет и даже в тридцать пять писателя называют молодым. А теперь я хотел бы совершенно откровенно поговорить по одному вопросу, который давно беспокоит меня и по которому — рано ли, поздно ли — предстоит весьма серьезные разговоры.

Вы, наверно, знаете (и я это подтверждаю), что в каждом издательстве, даже в каждой газете и в каждом журнале молодые поэты (больше всего именно поэты) ведут подлинную войну друг с другом за печатную бумагу. Каждый считает, что больше всего печатной бумаги должно идти на него. Других же он старается лишить «бумажного пайка».

Все это очень ненормально. Но это становится еще более ненормальным, если принять во внимание, что драка за бумагу идет отнюдь не потому, что для

поэзии бумаги выделяется вообще мало. Можно увеличить норму бумаги в два — в три раза, и все-таки драка за нее будет продолжаться.

Все дело в том, что у нас НЕПОМЕРНО МНОГО ПОЭТОВ (здесь и далее подчеркнуто самим М. В. Исаковским. — В. Я.), вернее не поэтов, а ПРЕТЕНДЕНТОВ НА ТО, ЧТОБЫ ПЕЧАТАТЬ СОБСТВЕННЫЕ СТИХИ. И почти все обиды молодых поэтов идут именно отсюда.

Давайте же посмотрим, сколько, в самом деле, у нас поэтов, сколько людей, «калущих и жаждущих» пайка печатной бумаги. Сосчитать всех нам не удастся. Поэтому прикинем хотя бы приблизительно.

В нашей стране ЕЖЕДНЕВНО выходит из печати НЕ МЕНЕЕ ДЕСЯТИ поэтических сборников. Кроме того, сотни отдельных стихотворений ежедневно появляются в центральных и местных газетах, в журналах, передаются по радио. С таким обилием стихов трудно справиться не только рядовому читателю, но даже специалисту, который интересуется поэзией и следит за ней...

Около года тому назад я слушал по радио одну передачу (не помню, как она называется). В ней рассказывалось о том, что в городе Владимире, при редакции областной газеты, существует «Клуб интересных встреч». И автор передачи совершенно серьезно, как будто это было величайшим достижением, информировал радиослушателей о том, что в состав «Клуба интересных встреч» входит ДВЕСТИ (понимаете, ДВЕСТИ!) поэтов, проживающих во Владимире. Дальше говорилось, что эти двести поэтов где-то выступают, что-то пишут, проводят какие-то беседы...

Вы понимаете, что это значит? Зачем городу Владимиру двести поэтов? Что они будут там делать? И вообще следует ли хвалиться тем, что во Владимире двести поэтов? По-моему, это уже было бы бедствием, если бы во Владимире оказалось столько поэтов. Бедствием потому, что ведь в других областных центрах тоже были бы свои двести или триста поэтов в каждом. Сосчитайте теперь, сколько же всего...

Вы ведь отлично понимаете, что когда выпускается в обращение очень много бумажных денег, не обеспеченных соответствующими ценностями, то происходит инфляция... Количество поэтов и стихов так велико, что многие уже перестают обращать на них внимание. Впрочем, неко-

торым товарищам это кажется вовсе не инфляцией, а ростом поэзии. Но это, конечно, абсолютно неверно. Конечно, у нас немало очень хороших поэтов, стихи которых — это настоящая «золотая валюта»... Назовем хотя бы таких, как Твардовский, как Смядьяков, как Рыленков. Можно назвать и другие фамилии и, в частности, фамилии молодых РУССКИХ поэтов, которые еще не успели как следует развернуться... Но все же больше таких, которых могло и не быть, которые, в общем-то, попали в поэзию случайно.

Нельзя «производить» поэтов конвейерным способом... Если не ошибаюсь, еще в 1911 году В. И. Ленин писал, что истинный талант — это РЕДКОСТЬ и его надо старательно воспитывать и беречь. (Это не цитата из Ленина: у меня нет под руками Сочинений Ленина и вышеприведенное место я передал своими словами. Но передал я, по-моему, точно.)

Обо всем этом я говорил на пленуме Московской организации писателей еще в 1958 году...

В нашей стране, где все поголовно грамотны, где культурный уровень людей растет из года в год, очень легко научиться писать немудрые стихи, даже средние, такие, которые при случае можно напечатать. Это вроде пеня. Каждый человек (за очень редкими исключениями) хоть немножко, но может петь. Я имею в виду те массовые песни, которые поет наш народ. Мы поем и на демонстрациях, и на собраниях, и на гуляньях, и в дружеском застолье. Иногда напеваем про себя даже за работой.

Но никому из многих миллионов поющих людей (опять-таки за редкими исключениями) не придет в голову требовать, чтобы его зачислили в труппу Большого театра либо в филармонию. Люди эти не считают себя певцами... Они поют из любви к песне, вот и все.

А вот в поэзии почему-то повелось так, что если человек написал четыре строчки, то он непременно обращается в редакцию, требует, чтобы его напечатали или, в крайнем случае, «приставили» бы к нему консультанта, который бы научил его писать стихи.

Все это неверно. Тут надо подходить к делу по-другому. Далеко не всякий из написавших несколько стихотворных строк станет поэтом...

Надо понять, что если культура нашего народа все время повышается и если (по той же причине, между прочим) стихи стало писать легче и их пишет

большее количество людей, чем когда бы то ни было, то надо повысить и требования к стихам, надо печатать только самое лучшее — в общем, выпускать «в обращение» не «бумажные деньги», которые или ничего не стоят или стоят очень мало, а «золотую монету»...

Вам я пишу все это вовсе не для того, чтобы сказать: видите, мол, как все сложно и трудно, поэтому не надейтесь на многое и т. д. Нет, сказать я Вам хотел совсем другое, а именно то, чтобы Вы, наоборот, не падали духом, чтобы Вы писали, но писали очень хорошо, чтобы выделиться из той огромной армии пишущих стихов, которая у нас существует, хотя количественный состав этой армии и не оправдан. Я хотел Вам сказать, чтобы Вы правильно разобрались в том положении, которое существует в поэзии нашей, чтобы учили все и вся...

Желаю Вам полного успеха в Ваших делах. Пусть не смущают Вас трудности, если даже они будут длиться долго.

Передайте от меня привет Вашей жене. И никогда не обижайте ее. Вы знаете, мне как-то очень понравилось, что Вы женились на крестьянской девушке. Будьте же счастливы!

М. ИСАКОВСКИЙ

29 ноября 1967.

Санаторий имени А. И. Герцена (Московская область).

Р. С. Не будьте от меня в претензии за то, что письмо такое длинное и довольно беспорядочное... Все это потому, что мне невероятно трудно писать... почти не вижу того, что пишу...

М. И. Я.

В 1968 году в издательстве «Московский рабочий» вышла моя первая книга. Я послал ее Михаилу Васильевичу и, осмелившись, просил его дать мне рекомендацию для поступления в Союз писателей. Привожу ответное письмо полностью:

«Дорогой Виктор Иванович! Я поздравляю Вас с выходом первой Вашей книжки. Это хорошо, что она вышла. И спасибо Вам, что Вы ее прислали мне. Я не прочитал ее всю (мне очень трудно читать), но кое-что прочитал. Общее впечатление такое, что книжка — хорошая, особенно если принять во внимание, что она — первая».

Но вот название ее понравилось мне не очень: «Спелица». Я сам люблю подобные русские слова, но думаю, что употреблять их надо только там, где они совершенно необходимы, где они украшают то, что говорит поэт. А у Вас получается так (правда, может, и я ошибаюсь), что «спелица» извлечена из словаря специально для большей оригинальности. Слово «спелица», по-видимому, типично областническое. Его нет даже у В. Даля (у Даля есть слово «спелиха» с пометкой, что оно московское). Но кроме этого, по-моему, слово «зарница» куда благозвучней и красочней, чем «спелица». Все это, однако, лишь мое личное мнение.

Рекомендацию я Вам посылаю.

Всего Вам доброго!

М. ИСАКОВСКИЙ

29 октября 1968.

Москва.

Как много значат для молодого автора письма, советы и наставления опытного, талантливого мастера! Мне они запомнились на всю жизнь».

Виктор ЯКОВЧЕНКО

ПОДОЛЬСК